

И. А. Крылов

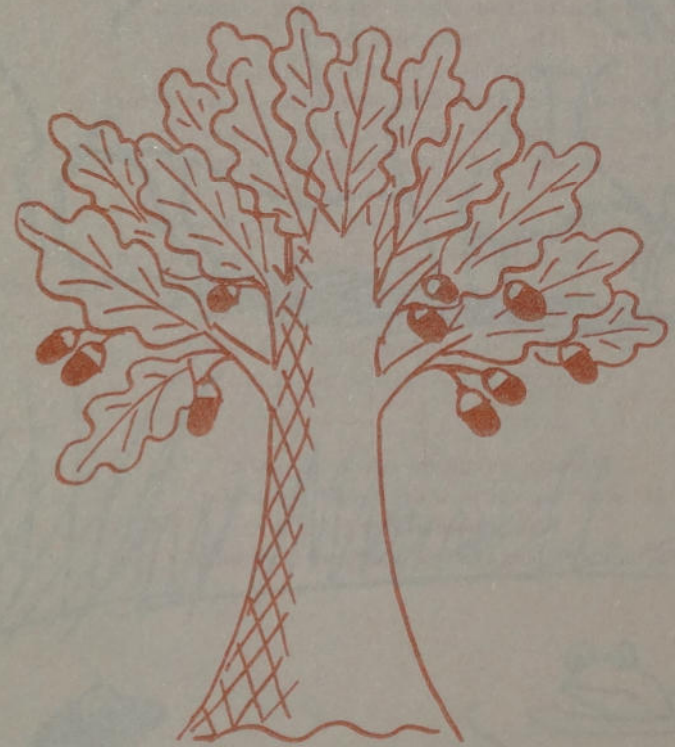

Альбом для раскрашивания

БАСНИ

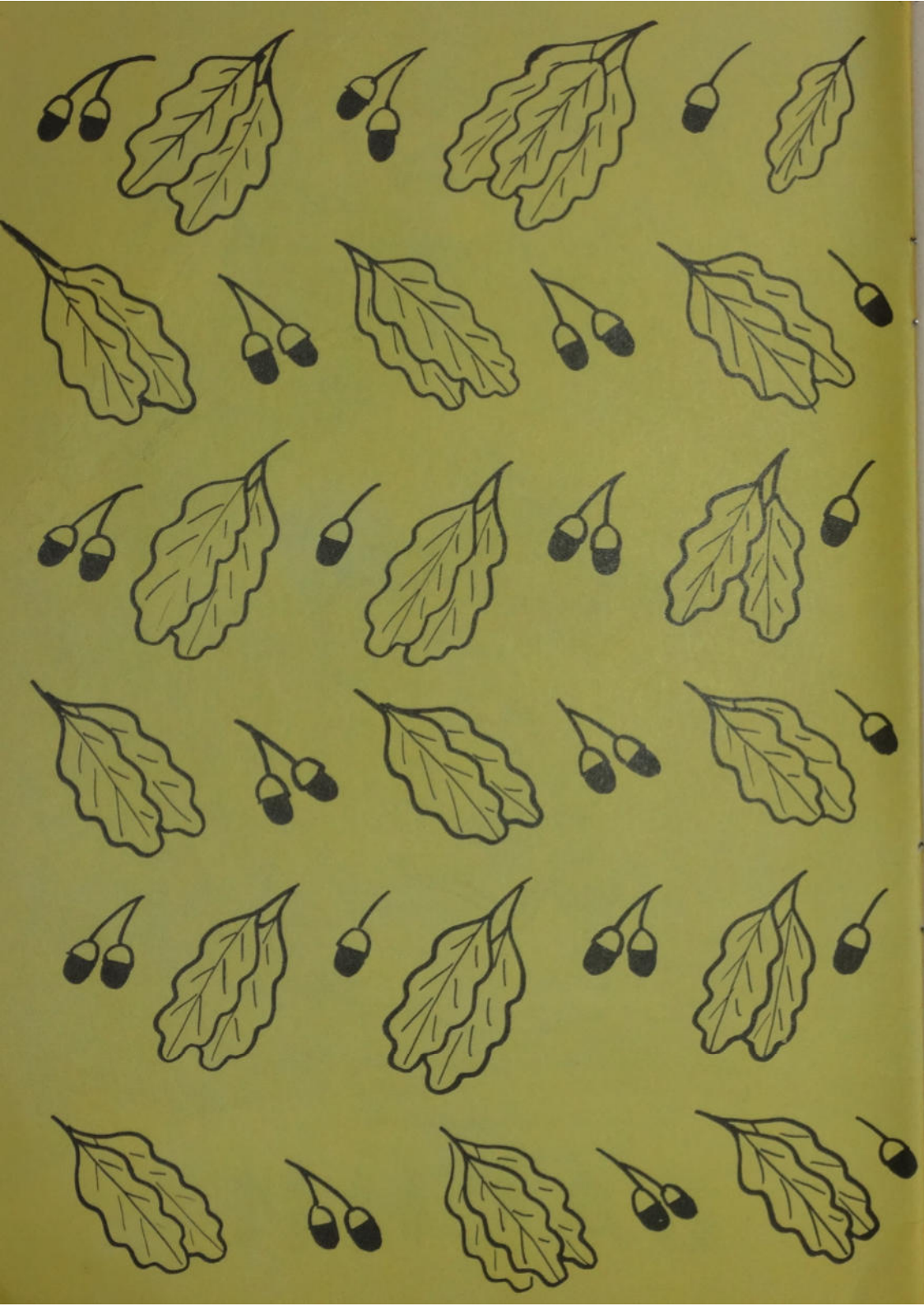
И. А. Крылов

БАСНИ

Художник В. М. Меньшиков

Ленинград
«Художник РСФСР» 1987

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.

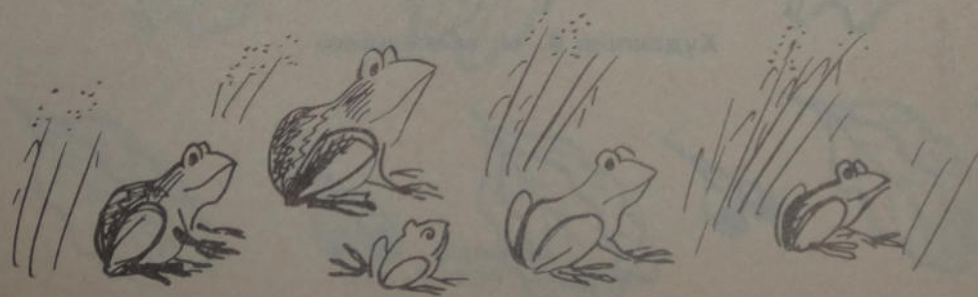
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?»

Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да

пыхтела

И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Волком,
С натуги допнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мешанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

ЩУКА И КОТ

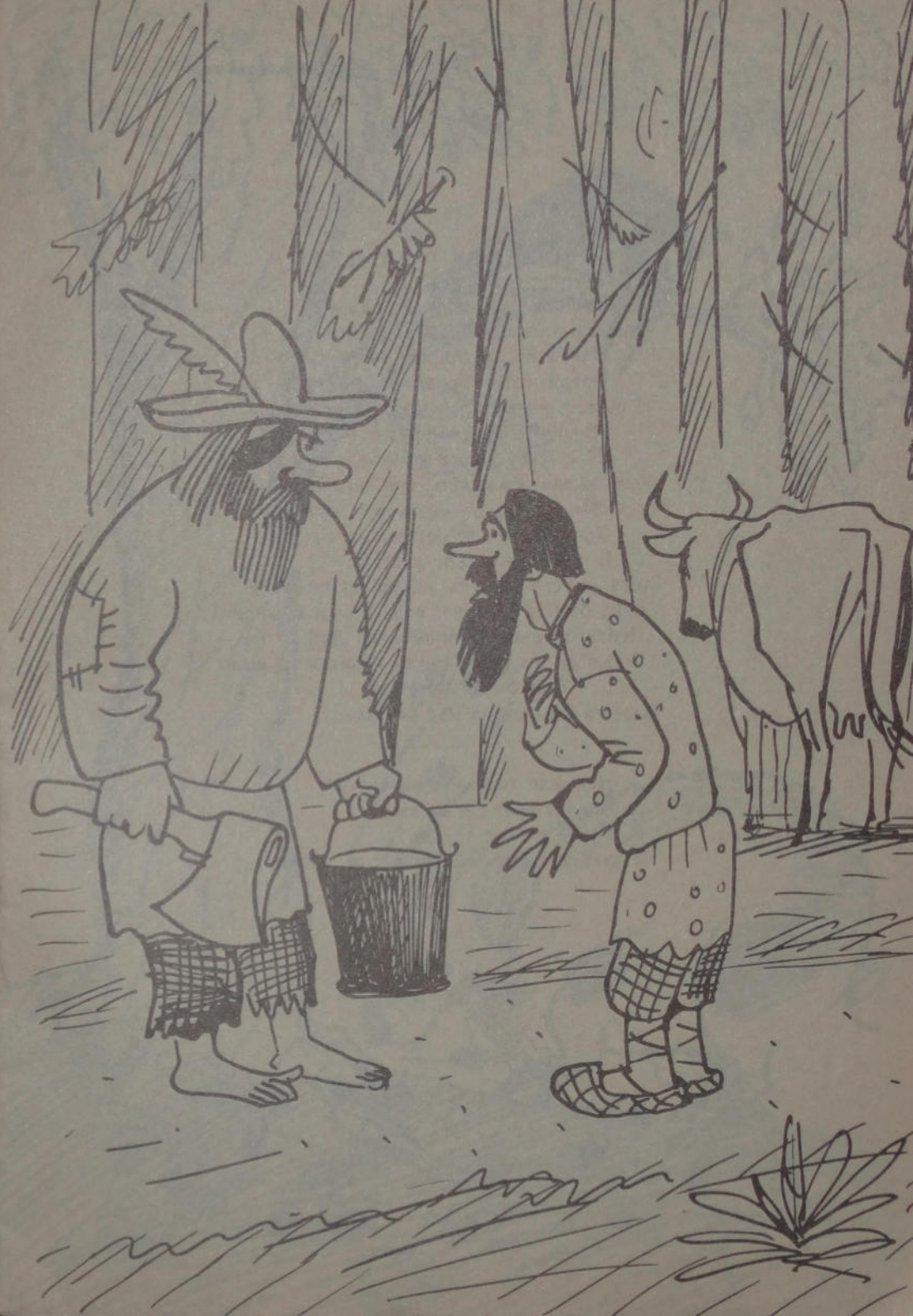
Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васык говорить, —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится». —
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво сташил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

КРЕСТЬЯНИН И РАЗБОЙНИК

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник да корову
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брел домой проселочным путем,
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй, — всплачется Крестьянин, — я пропал.
Меня совсем ты доконал!
Год целый я купить коровушку собирался:
Насилу этого дождался дня». —
«Добро, не плачься на меня, —
Сказал, разжалобясь, Разбойник. —
И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

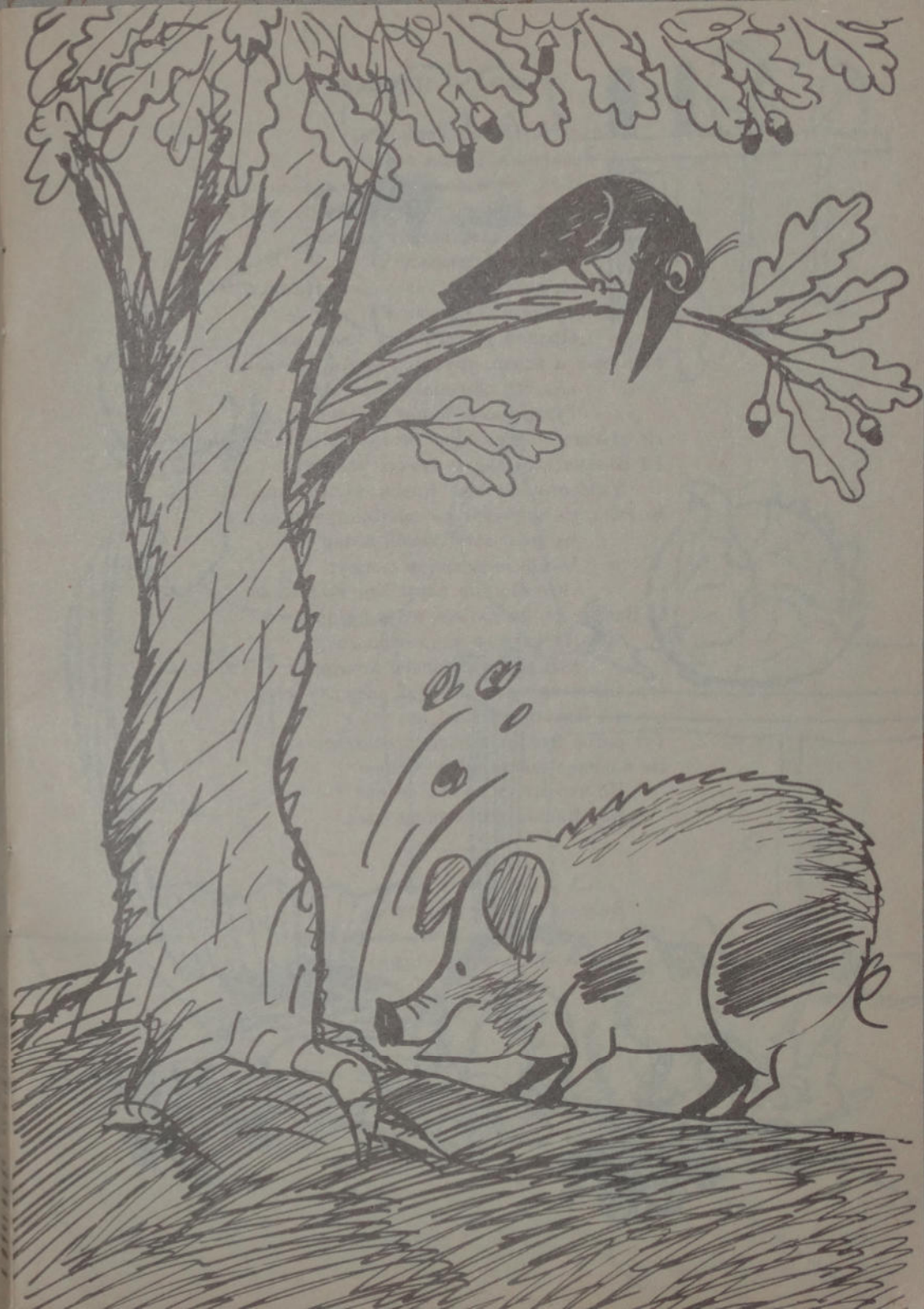

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу ворон говорит,—
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».—
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».—
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут,—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.

Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька Кот в углу,
Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет, —
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает).

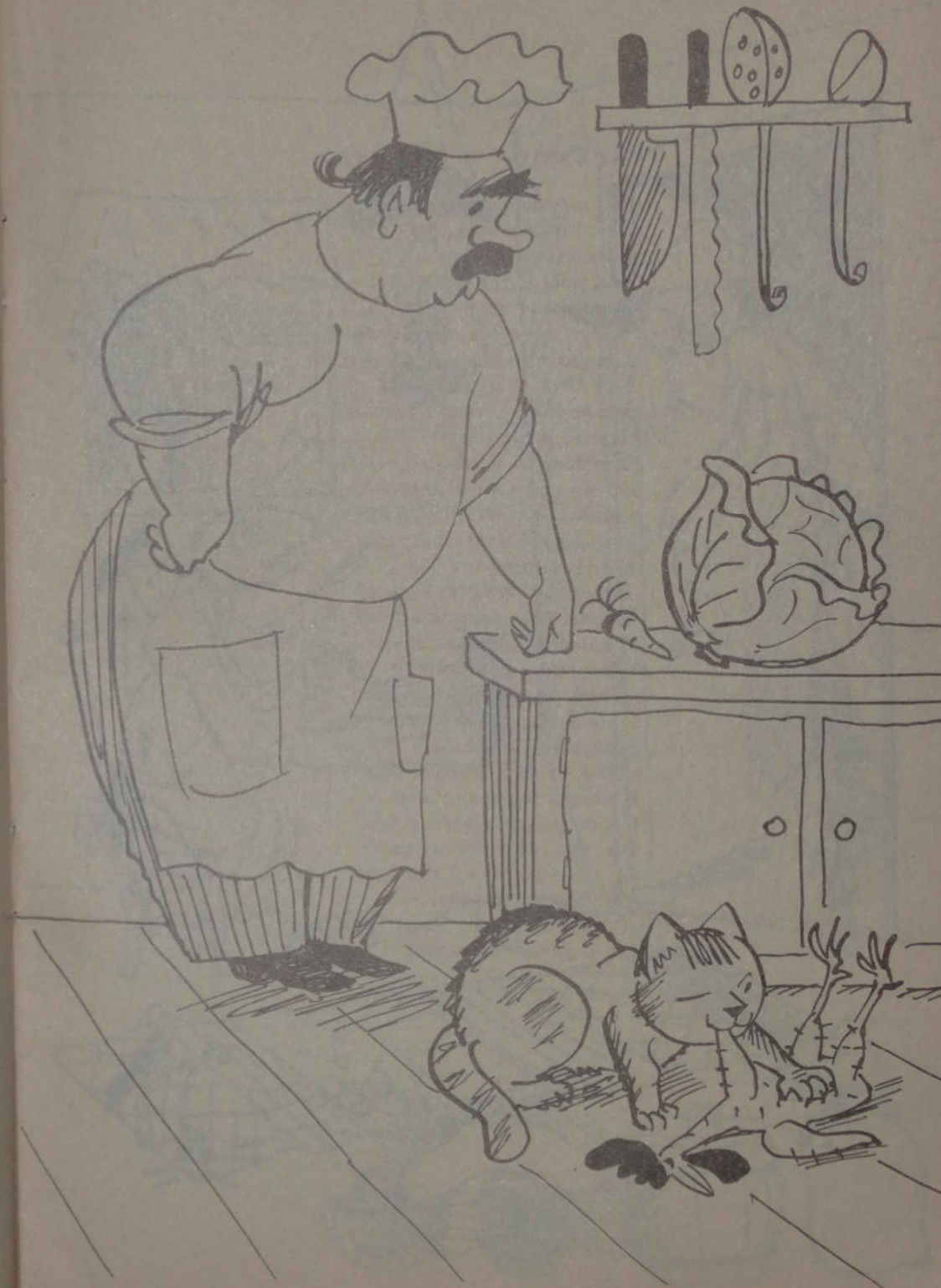
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, —
Ах ты... ахти, какой позор!

Теперь все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:

Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)

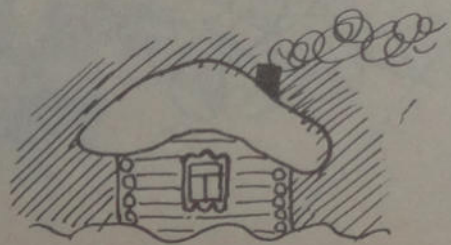
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца иравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

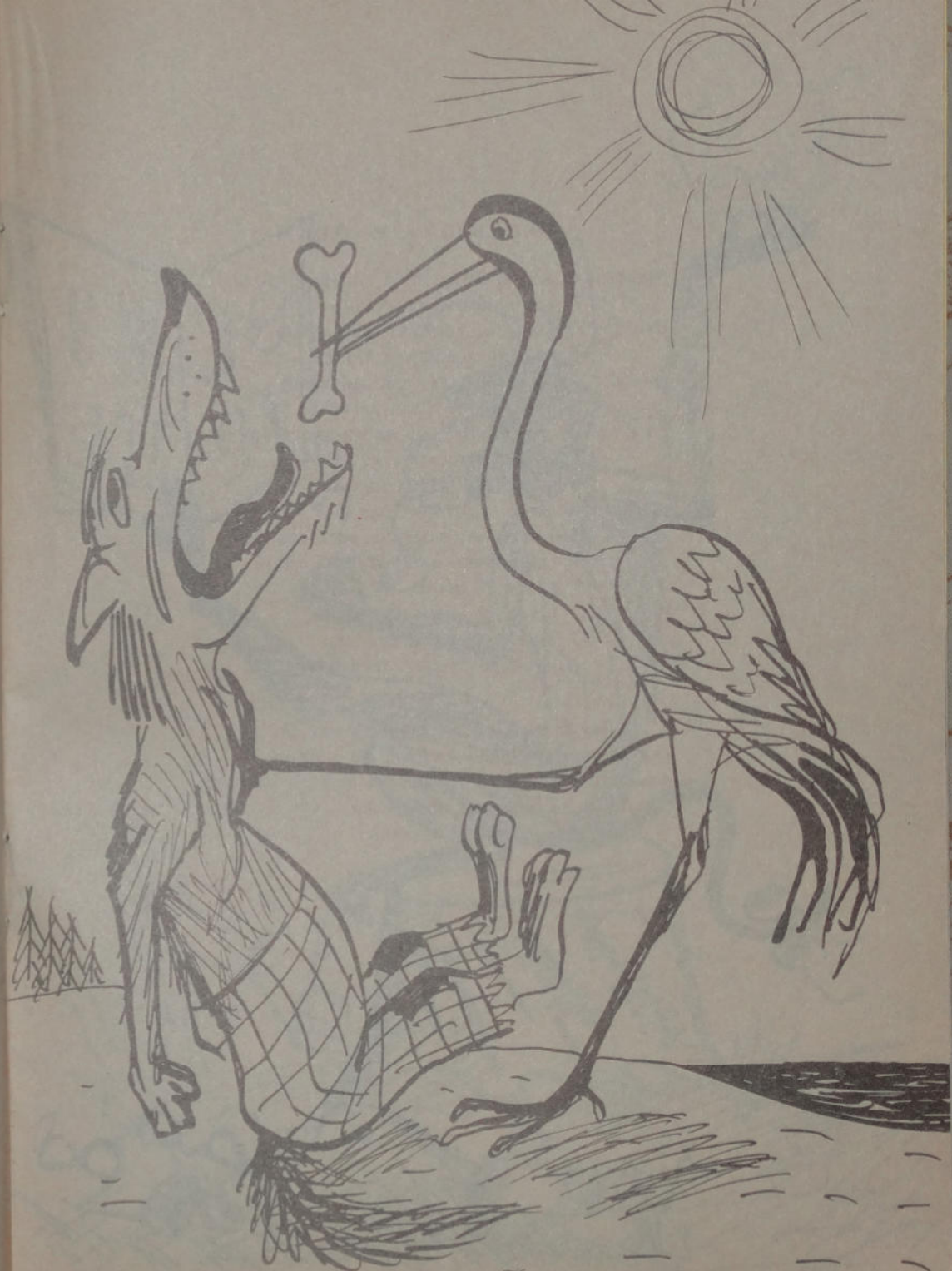
СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела». —
«Ты все пела? это дело:
Так поди же попляши!»

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть:
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный, —
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Пооди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! — говорит она, — и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Оседа,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни.
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине мотылька,
«Поверишь ли! — кричит, — чуть-чуть тебя мне
видно,

Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полет». —

«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.

Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далеко;

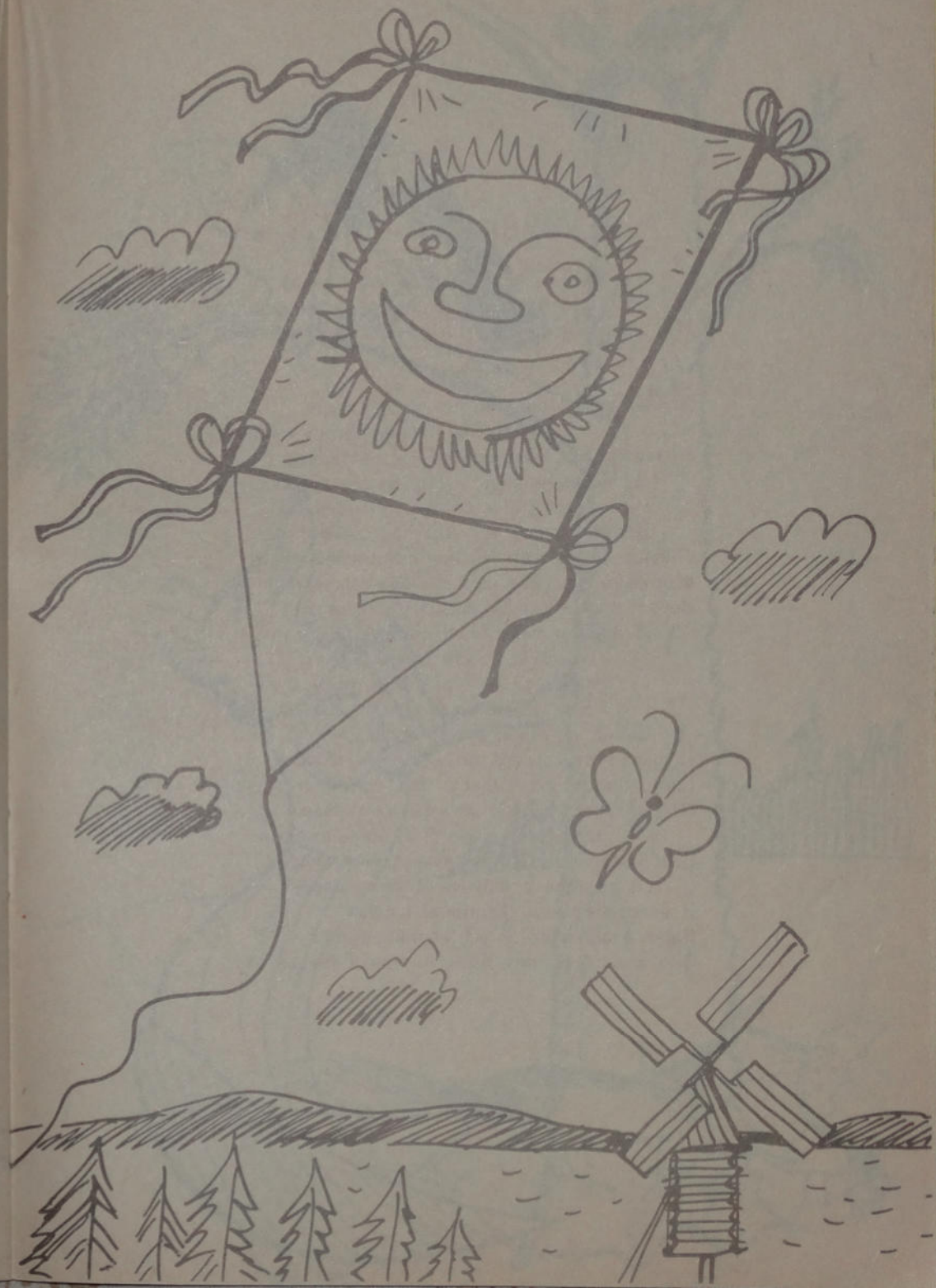
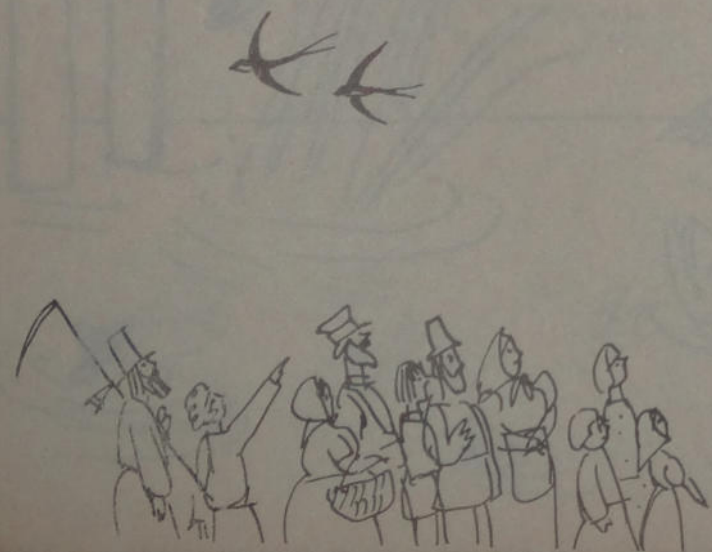
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато, лечу

Куда хочу;

Да я же так, как ты, в забаву для другого,

Пустого

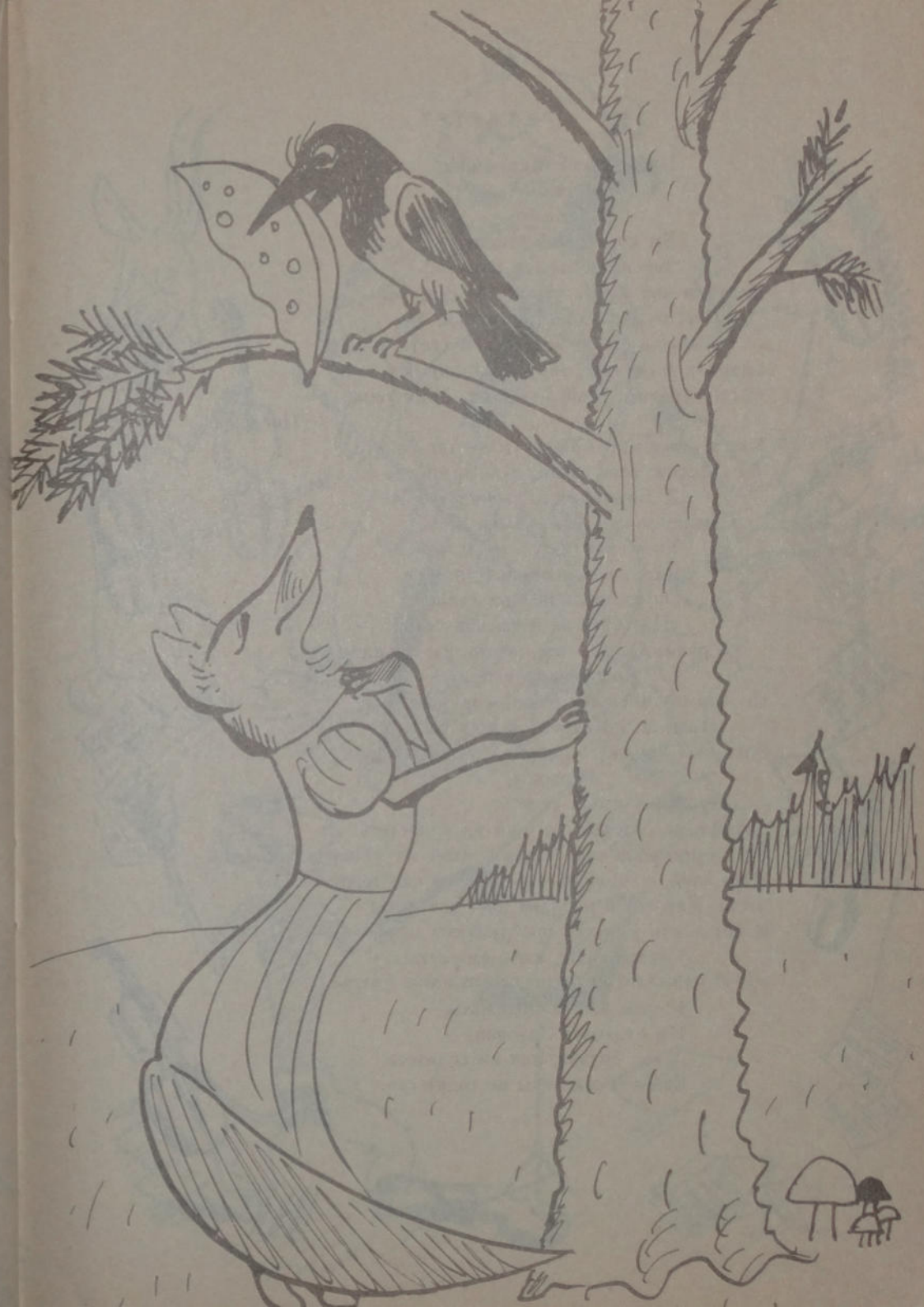
Век целый не трещу».

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце лстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру,
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,—
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

КВАРТЕТ

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел

Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки
И сели на лужок под липки,—
Плнять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка.—

Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдет уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он все-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет! —

Кричит Осел, — мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

И все-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привесть:

И ноты есть у нас, и инструменты есть.

Скажи лишь, как нам сесть!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —

А вы, друзья, как ни садитесь,

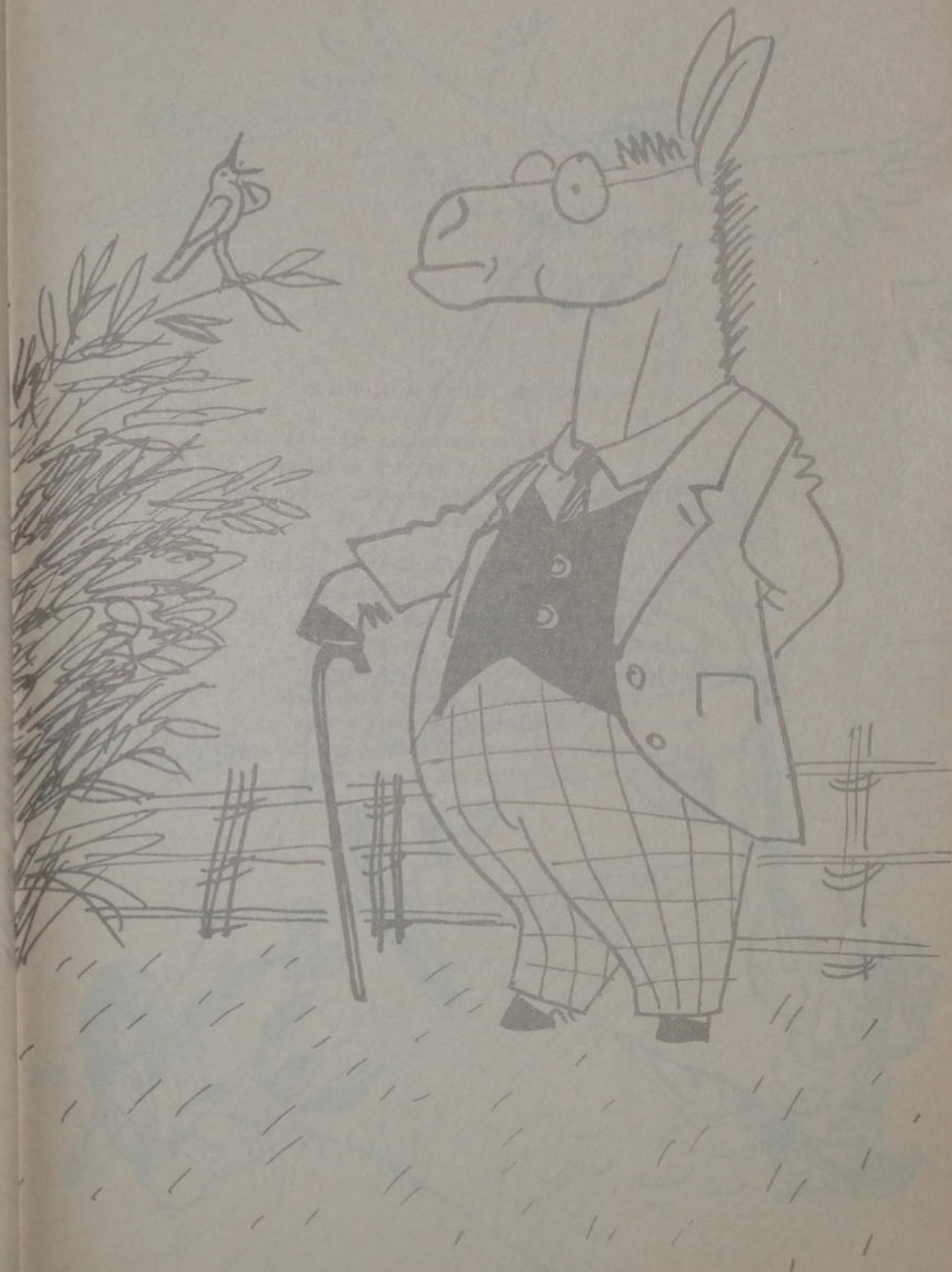
Всё в музыканты не годитесь».

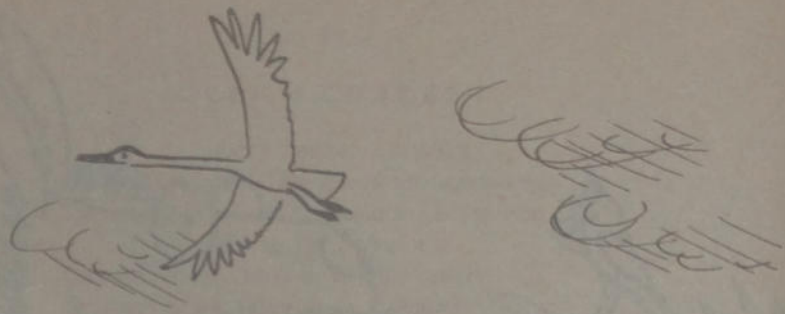

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое умение?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Зашелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
То томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от таких судей.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взяли,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там.

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем:
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться,
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву».—

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».—

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне еще и от роду нет году».—

Ягненок говорит. «Так это был твой брат».—

«Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вредите.

Но я с тобой за их разведуюсь грехи».—

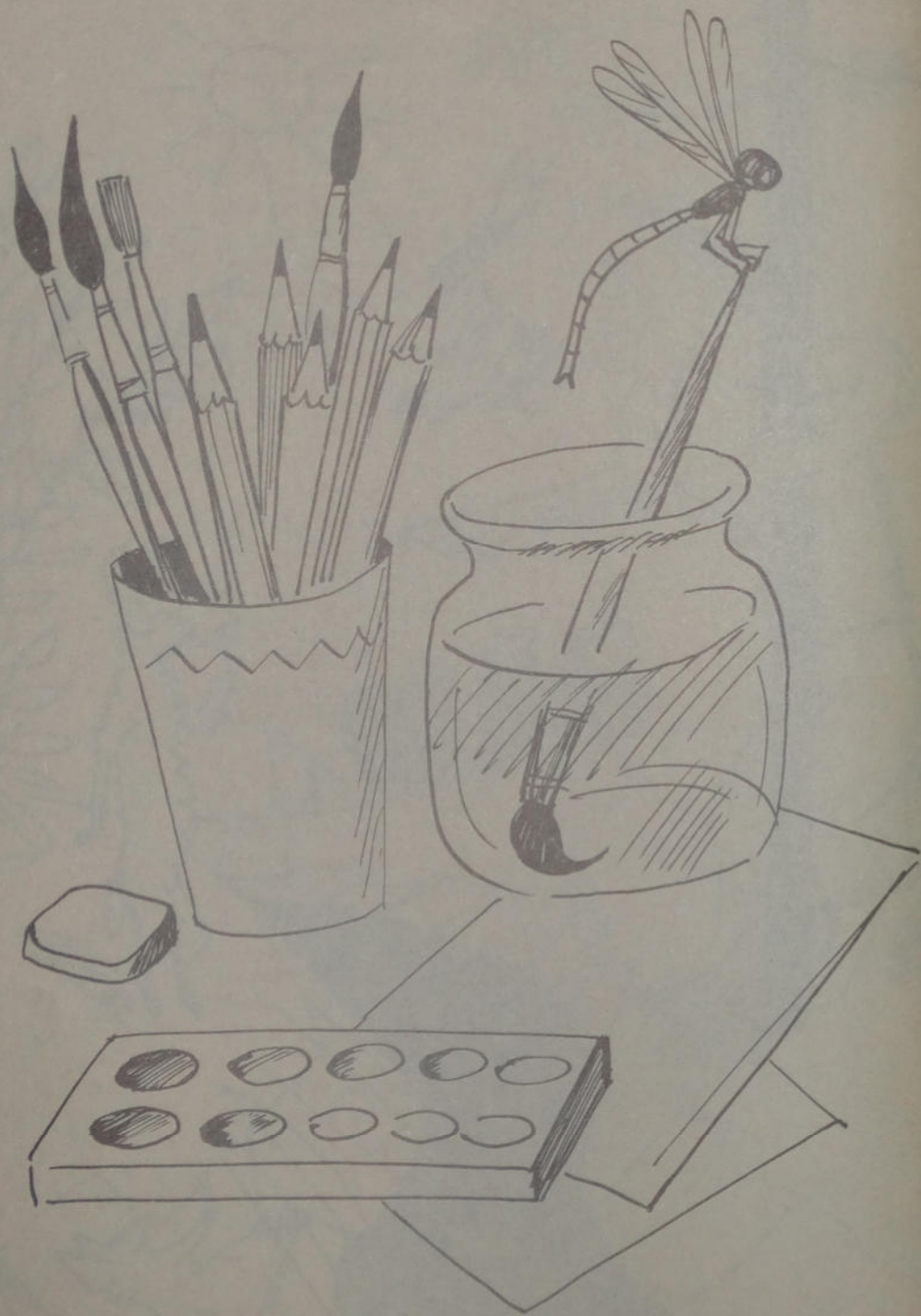
«Ах, я в чем виноват?» — «Молчи! устал я
слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, шенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

15 коп.

для детей дошкольного и младшего школьного возраста

Иван Андреевич Крылов

БАСНИ

Художник Владимир Михайлович Меньшиков

Альбом для раскрашивания

Редактор Е. В. Бойко. Художественный редактор В. П. Веселков. Технический редактор Т. А. Иванова. Корректор Е. Е. Ротманская. Сдано в набор 22.01.87. Подписано в печать 05.03.87. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 3,476. Усл. кр.-отт. 6,175. Тираж 200 000 экз. Заказ 6069. Цена 15 коп. Издательство «Художник РСФСР», Ленинград, 195027, Большеохтинский пр. 6, корпус 2. Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Текст печатается по изданию: И. А. Крылов. Сочинения в 2-х томах. М., «Художественная литература», 1969.

Оригиналы выполнены по заказу. ЛПО «Техническая книга»

© Издательство «Художник РСФСР». 1987

К $\frac{4803000000-021}{M173(03)-87}$ без объявл.